

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРОЛИЧЬЯ НОРА

1

Настала ночь. Город тысячи минаретов, за день раскалившийся на солнце, медленно остывал, давая короткую и слабую передышку туристам, непривычным к убийственной жаре летнего Египта.

Норма Байкер и Сабрина Солано направлялись в знаменитую каирскую кофейню «Эль-Фишави», которая, как гласила легенда, ни разу не закрывала свои двери с 1773 года, ни днем, ни ночью, даже во время нашествий, переворотов и революций. Поговаривали, что внутри есть одна особенная, секретная комната, куда допускаются только избранные. На ее стенах развешаны фотографии представителей славного рода Эль-Фишави в обществе мировых знаменитостей, когда-либо посетивших заведение. Есть среди них и портрет императора Наполеона, который, согласно семейной легенде, позировал художнику здесь, когда пришел в Каир во главе французской армии.

Об этом рассказал женщинам Искандер, переводчик и проводник их экспедиции. Стремясь произвести на них впечатление, он поведал также, что по ночам в кофейне

можно увидеть за одним из столиков человека, раскладывающего по кучкам разноцветные фишки. Это призрак основателя заведения, придумавшего систему учета, которой пользовались потом его сыновья, внуки и правнуки. Согласно заведенному порядку официанты, получившие заказ, отдавали хозяину соответствующее число кружков. Одного цвета — за чай, другого — за кофе, третьего — за лепешку, и так далее. Проверив ночью «отчетность», хозяин определял, сколько всего и чего именно съели и выпили посетители и сколько денег ему должен отдать старший официант...

Конечно, Норма и Сабрина не поверили ни в Наполеона, ни в призрака, но что-то мистически-притягательное в этой истории все-таки было, поэтому они решили выбраться в «Эль-Фишави». Поодиночке они не отважились бы гулять по Каиру ночью. Вместе же чувствовали себя в полной безопасности.

Они дошли пешком до мечети Хуссейна с ее величественными минаретами, устремленными к звездному небу, подобно каменным ракетам, готовым к старту. Многомиллионный город не спал. Кварталы Золотого базара Хан-эль-Хилили были шумны и многолюдны. Ноздри Сабрины уловили пряные ароматы кальянов, именуемых здесь шишами.

— Я бы покурила, — призналась она.

— С ума сошла! — воскликнула Норма.

— Не табак, — засмеялась Сабрина. — Персик или вишню.

— Полагаю, женщины здесь кальяны не курят. Тем более на людях. Да еще ночью.

— А как же равенство полов?

— Мы в мусульманской стране, — тихо напомнила Норма. — Здесь женщины от хиджабов до сих пор толком не избавились. Так что забудь про курение, о'кей?

— О'кей, о'кей. — Сабрина опять засмеялась, довольная, что ей удалось шокировать подругу.

Ей было под сорок, но выглядела она ровесницей Нормы, хотя той едва перевалило за тридцать. Так что южные мужчины пожирали взглядами обеих с одинаковым вожделением.

Войдя в кофейню, женщины отразились в десятке старинных зеркал, развешанных повсюду и напоминающих картины в массивных резных рамах. Позолота и начищенная медь слепили.

— Султанский дворец, — пробормотала Норма, озираясь.

— «Тысяча и одна ночь», — продолжила ассоциативный ряд Сабрина.

Они сели рядом, чтобы было удобнее обмениваться репликами и чтобы их больше никто не слышал. Перед ними, словно из-под земли, возник официант, смуглый, поджарый, зубастый, с усами а-ля Фредди Меркьюри. Сверкая коронками, он предложил:

— Чай, кофе, каркаде, сахлаб...

— Что такое сахлаб? — спросила Сабрина.

— Сладкий молочный мусс с орешками, — пояснила Норма. — Горячий и жирный.

— Кофе, — решила Сабрина.

— Мне тоже, — сказала Норма.

Посоветовавшись, они заказали лепешки с сыром и жареную утку. Вин в меню не было, но подруги бы не стали пить. Не в этом кафе, где, за исключением их двоих, были только мужчины. Потягивая чай, посасывая мундштуки кальянов, жуя что-то, переговариваясь вполголоса, они со всех сторон пялились на женщин. Мужское внимание такого рода заставляло подруг испытывать неловкость.

— Наверное, это была глупая затея, — пробормотала Сабрина. — Не стоило нам приходиться сюда ночью и без провожатых.

— Не бойся, — не очень уверенно произнесла Норма. — Сейчас не средние века. И мы не делаем ничего предосудительного. Просто зашли поужинать. Имеем право.

— Мне перехотелось есть. Давай лучше уйдем отсюда...

— Из-за парочки каких-то невежественных арабов? Не обращай внимания. Они не причинят нам вреда.

— Думаешь? — переспросила Сабрина.

— Конечно. А вот и кофе!

Подруги с некоторым облегчением взяли свои чашки, что позволило им отвлечься и заняться хоть каким-то делом, вместо того чтобы сидеть неподвижно под перекрестными взглядами египтян.

Норма обратила внимание, что невольно втягивает голову в плечи и сутулится, чтобы не выпячивать грудь. Это ее разозлило, и она села подчеркнуто прямо, держа перед собой блюдце и крохотную чашку, полную восхитительно ароматного и густого кофе. Для арабских мужчин она с ее выпуклыми формами и осветленными волосами была все равно что свежая выпечка, выставленная на всеобщее обозрение в голодном крае. Ее серые узкие глаза всегда казались смеющимися, а милая родинка на щеке придавала ей отдаленное сходство с портретом какой-нибудь средневековой леди в белом парике.

Сабрина была ее полной противоположностью: черно-волосая, большеглазая, пышногрудая, от природы смуглая. Если продолжать аналогию с портретной живописью, то она могла бы позировать художнику в качестве уроженки Сицилии или Сардинии. По этой причине в Египте она пользовалась не таким бешеным успехом, как ее спутница. Это царапало самолюбие Сабрины, но ей хватало ума, чтобы не завидовать. Не собиралась же она заводить романы с местными ловеласами, в самом-то деле!

Женщины познакомились всего несколько дней назад. Это произошло здесь, в Каире. Руководитель экспедиции был вынужден срочно вылететь в Прагу, где потребовалось его присутствие на научном симпозиуме, посвященном новым методикам исследования египетских пирамид. Его обязанности временно исполняла Сабрина, которой было поручено встречать и размещать остальных участников экспедиции. Норма Байкер, несмотря на внешность легкомысленной блондинки, являлась представительницей достаточно серьезной и опасной профессии. Она прошла отбор как специалист по дайвингу, хотя, по правде говоря, никак не могла взять в толк, какое отношение подводное плавание имеет к египетским пирамидам, возведенным среди песков. Сабрина до сих пор ни разу не ответила на ее расспросы прямо. Насколько поняла Норма, цели и задачи предстоящей экспедиции хранились в секрете. Это ей нравилось. Она принадлежала к той породе людей, которых привлекает все таинственное и мистическое. Имелись у нее и иные предпочтения, о которых она не считала нужным распространяться.

— Жаль, что здесь не подают вина, — сказала она, усмехаясь. — Я бы тебя подпоила и выведала твои секреты.

— Скоро все узнаешь, — пообещала Сабрина. — И поверь, это будет самое удивительное приключение в твоей жизни.

— Посмотрим, — сказала Норма. — Я видела затонувшие корабли и города, проплыла почти тысячу миль вместе с китами и кормила с руки гигантскую белую акулу. Буду счастлива, если вам удастся удивить меня.

— Можешь не сомневаться. Мы на пороге величайшего археологического открытия двадцать первого века. Дверь уже приоткрыта. Осталось лишь толкнуть ее и войти внутрь.

— Умеешь ты заинтриговать! Я просто сгораю от нетерпения. Меня всегда влекло неизведанное. Знаешь, я чувствую себя Алисой, заглядывающей в кроличью нору.

— Прекрасное сравнение! — обрадовалась Сабрина.

Норма лаконично описала то чувство, которое она испытывала... испытывала во время каждой новой экспедиции.

О раскопках древнеегипетских гробниц пишут либо псевдонаучную чепуху, либо скучнейшие отчеты, полные деталей, способных заинтересовать только археологов. Для Сабрины Солано это занятие было полно романтики и магии. Даже теперь, по прошествии почти двадцати лет, отданных профессии египтолога, она воспринимала каждое открытие как чудо.

Родители, да и все знакомые, отговаривали Сабрину, когда, окончив обучение на историка, она решила отправиться в Египет для участия в своих первых раскопках. Она поступила по-своему. Научилась переносить жару, физически окрепла, набралась опыта. Ее познания ширились, она все лучше и лучше разбиралась в таких специфических отраслях, как папирология¹ и коптология². Неизменным оставалось только одно: причудливая смесь благоговения, любопытства и восхищения, которые испытывала Сабрина, занимаясь своим любимым делом.

Тот, кто ни разу не бродил в одиночестве по темным коридорам под пирамидой, вряд ли сумеет представить, как ощущаются там время, история, да и сама жизнь. Сабрина никогда не признавалась в этом посторонним, но она была уверена, что каждая пирамида обладает своей душой —

¹ Историко-филологическая дисциплина, изучающая найденные в Египте и за его пределами тексты на папирусах.

² Научная дисциплина, объектом исследования которой является культура коптов.

в ней обитает дух фараона, который ее возвел. Ты ползешь на тридцатиметровой глубине по узкому ходу, подсвечивая себе фонариком, видишь, как свет вспыхивает искрами, отражаясь от крохотных кристаллов в слоистых стенах, а впереди стоит стена сплошного мрака, и где-то там, на отдалении, некто пробуждается от вечного сна и начинает прислушиваться, — и тогда по коже твоей бегут мурашки. Такие моменты незабываемы. И, однажды испытав присутствие древнего духа, ты уже не задаешься вопросами о том, существует ли перерождение душ и продолжается ли наше существование после смерти.

— Нас действительно ожидает нечто вроде кроличьей норы, — произнесла Сабрина мечтательно. — Только очень большой и длинной.

— И куда она ведет? — спросила Норма, подавшись к спутнице.

Она говорила шепотом, но Сабрина предостерегающе приложила палец к губам:

— Тсс! Всему свое время... и место.

Норма разочарованно выпрямилась и принялась за утку, принесенную официантом.

— Ты мне не доверяешь, — констатировала она.

— Это не так, — возразила Сабрина мягко. — Но ты, как и все остальные, будешь посвящена в суть проекта только на старте. Так будет правильно. Чтобы никто не проговорился случайно.

— Я буду нема как рыба!

— Возможно. Но ты уже в пятый или шестой раз бросаешь взгляд на того мужчину, который сидит за третьим от нас столом через проход. И подозреваю, что, если он пригласит тебя куда-нибудь, ты примешь приглашение.

Норма машинально посмотрела в сторону упомянутого мужчины и отвела глаза, прикрытые опущенными ресницами.

— И что с того? — осведомилась она.

— А то, что именно так тайны и выбалтываются, — произнесла Сабрина наставительно. — На свиданиях. За бокалом вина или...

Она не стала продолжать, ограничившись многозначительным покашливанием.

Норма хмыкнула:

— Интересно, что помешает мне выдать тайну позже? Я подпишу какой-то страшный контракт о неразглашении?

Сабрина улыбнулась:

— Не в этом дело. Просто там, где нам предстоит работать, не будет посторонних.

— Мы отправимся в пустыню?

Улыбка Сабрины приобрела вид столь загадочный, что она сделалась похожей на Мону Лизу.

— Ну вот, ты опять за свое. Потерпи, ладно? Уже недолго осталось.

— Ну, раз нам придется стать отшельниками... — Норма в очередной раз покосилась на мужчину у противоположной стены. — В таком случае я не возражала бы, чтобы этот истукан обратил наконец внимание на то, что рядом находится женщина, которой не безразлично его внимание!

Слова были произнесены не настолько отчетливо, чтобы разобрать их смысл, но достаточно громко, чтобы привлечь к себе внимание. Однако мужчина лишь слегка нахмурился, но взгляд не поднял, а продолжал делать вид, будто что-то изучает в своем телефоне, хотя Норма была уверена, что это не так. Несмотря на сильный загар, у него была абсолютно европейская внешность. На шее висел явно не дешевый фотоаппарат. Он носил длинные волосы, зачесанные назад и стянутые на затылке, как у персонажей телевизионной саги о викингах. Аккуратно подстриженная борода дополняла облик. С темно-русыми волосами отлично гармонировали

серо-голубые глаза с густыми, будто подведенными ресницами. А рот у мужчины образовывал столь жесткую и прямую линию, что непременно хотелось рассмешить его, чтобы увидеть, как он улыбается.

— Даже не замечает, — буркнула Норма. — Гей, наверное. Иначе не торчал бы здесь в гордом одиночестве.

Все три ее предположения были совершенно ошибочными.

Мужчина не только обратил на них внимание, но и наблюдал за ними, хотя пытался делать это незаметно. Вопреки подозрению Нормы, он был как раз очень даже неравнодушен к женскому полу. Одиночеством же своим он не тяготился, а наслаждался, поскольку такая возможность выпадала ему не часто.

Фамилия его была Быков.

2

Этим утром он проснулся на рассвете, когда над тысячелетним Каиром зазвучал протяжный, вибрирующий голос муэдзина, призывающего правоверных на молитву. Дмитрий Быков не был мусульманином, он вообще не относил себя ни к одной из официальных религий, но тоже был вынужден пробудиться. Сначала пение донеслось издалека, но уже через пару секунд было подхвачено в других минаретах, а потом грянуло из динамиков совсем рядом с отелем. Аллах акбар! Аллах велик! Стыдно и глупо дрыхнуть, не сознавая этой истины.

Быков вздохнул, встал и подошел к открытой балконной двери. Над десятиллионным мегаполисом еще нависала ночь с ее бусинами звезд, но по краям небо уже посинело и все сильнее окрашивалось в оранжевые цвета зари. Это было так красиво, что разноголосый хор муэдзинов казался естественным дополнением к пейзажу.

Аллах велик! Нет бога, кроме Аллаха!

Когда стоишь на заре под небесным куполом и слышишь, как стараются муэдзины, в это легко поверить...

Но все кончается. Закончились и молитвы. Быков услышал шум просыпающегося города. Звезды редели, электрические огоньки бледнели, автомобильные фары гасли, на тротуарах стали появляться человеческие фигурки. Будничное утро вступало в свои права. Очарование сказки стремительно таяло, как ночь. Быков отправился в ванную комнату.

Он приехал в Каир не для отдыха и не из любопытства, а по работе. Как это ни банально, от него ожидали высококачественных фотографий египетских пирамид. Причем на сей раз заказ поступил не от издательства или журнала. Снимки потребовались эксцентричному миллионеру, который задумал выстроить дом в стиле пирамиды и украсить стены соответствующим образом. Дизайнер пообещал превратить увеличенные фотографии в стилизованные фрески и барельефы. Миллионер, упиваясь своей крутизной, отказался пользоваться изображениями, доступными в Интернете. Ему хотелось чего-то оригинального, даже уникального.

Быков с удовольствием послал бы его, однако был вынужден согласиться и даже поблагодарить за оказанное, так сказать, доверие. Дело в том, что с усилением холодной войны и понижением градуса отношений с Западом до уровня глубокой заморозки заказов у Быкова стало вполтину меньше, чем прежде. Американцы, например, вообще ставили крест на любых проектах, как только видели или слышали славянскую фамилию. Вначале Быков пытался подлаживаться, а потом плюнул и стал искать другие источники заработка. Так появился этот эксцентричный миллионер.

Звали его Максом, он позвонил Быкову, когда тот завтракал в ресторане отеля, и сообщил, что передумал насчет пирамид.

— Хочу такое, знаешь ли, колоритное, — сказал он. — Типа индийского храма в джунглях. Когда сможешь вылететь?

— Куда? — опешил Быков.

— В Индию. Говорю же, мне храм нужен. Я уже архитектора заменил.

— Сам лети в Индию.

— Чего? — не понял миллионер.

— Ты слышал, — сказал Быков. — Контракт расторгнут.

— Чего ты выйогиваешься? Я же все расходы оплачиваю!

— Мне тропический климат противопоказан, Максим. Ищи другого фотографа. Адью.

Не дожидаясь возражений, Быков выключил связь, а потом еще и заблокировал номер миллионера. После этого он почувствовал себя просто превосходно. Как будто гора с плеч свалилась. Только теперь Быков понял, как внутренне противился необходимости фотографировать пирамиды для человека, которому они нужны лишь в качестве антуража и как способ выпендриться. Деньги? Черт с ними. Всех не заработаешь. Лучше голодать, чем обслуживать всяких недоумков. Да и не будет Быков голодать! Голова на плечах имеется, руки из нужного места растут, профессиональное мастерство на должном уровне. Времена, они меняются. А помимо Запада еще целых три стороны света имеются. Есть где развернуться.

Обратный билет у Быкова был взят на послезавтра, так что свободного времени образовалось выше крыши. Чтобы провести его интересно и с пользой, он взял такси и отправился в Каир исламский, точнее, в старый город. Дорога шла через центр, сначала по набережной Нила, потом через центральные кварталы в направлении Хелуана¹. Вот промелькнула вывеска отеля «Семирамис», затем американское

¹ Южный пригород Каира.

посольство, библиотека Кеннеди. Справа Быков опознал остров Рода, виденный им в Интернете во время подготовки к путешествию в Каир. А дальше, за высоченной аркой, под которой когда-то текла вода в Каир, начался Старый город.

Улицы сменились улочками, где такси с трудом разминалось с другими машинами, ишаками и конскими подводами. Здесь было настоящее столпотворение народа: большеглазые чумазные детишки, женщины, закутанные в белое и черное, мужчины в стоптанных сандалиях и тюрбанах. За очередным поворотом открылся вид на Город мертвых, служащий не только последним приютом для покойников, но местом жизни сотен бродяг, нищих и беглых преступников. Туда, как помнил Быков, не отваживались заходить даже полицейские, не говоря уже о туристах. А если кто и забрел сдуру, то вряд ли кому-нибудь когда-нибудь расскажет.

Слева, на возвышении, находилась самая яркая достопримечательность Каира — Цитадель, крепость, построенная около девяти столетий назад. От нее сохранились только южная и восточная стены. Возле них Быков и высадился.

Войдя в ворота, он миновал алебастровую мечеть с могилой Мухаммеда Али, обнесенной бронзовой оградой. Обойдя площадку по периметру, он остановился полюбоваться панорамой Каира и наткнулся взглядом на пирамиды Гизы, виднеющиеся в знойном мареве. Правильно ли он поступил, когда ответил миллионеру отказом? Если уж так хочется, то можно было бы сегодня пофотографировать пирамиды, а потом вылететь по заданию дальше. Почему он заартачился? Из-за болезненного самолюбия?

Нет, конечно. Причиной было элементарное человеческое достоинство. Не для того Быков избрал поприще свободного художника, чтобы быть на побегушках у любого, кто помашет в воздухе пачкой денег. Конечно, все в этом мире так или иначе танцуют под музыку, заказанную дру-

гими. Но терять гордость при этом совсем не обязательно. «Я артист, а не шестерка», — сказал себе Быков, и на этом вопрос был закрыт.

Пока он стоял на площадке, солнце успело подняться довольно высоко. Оно еще не достигло зенита, но уже падало вовсю. Тени постепенно съеживались, как будто спасаясь от зноя. Благо жара не сопровождалась духотой: воздух в Египте был сухой. Было видно, как он колыхается и идет волнами над далекой пустыней.

Покинув раскалившуюся возвышенность, Быков вернулся в центр города, где укрылся под тентом кафе на набережной Нила. Там гулял свежий ветерок, разнося аппетитные запахи. Бегали официанты с подносами. Стоило остановить одного, как через несколько минут на столе образовались бутылка минеральной воды, салат, соусы и приправы в разных тарелочках, дымящийся кебаб, прикрытый сверху бумагой, чтобы не остывал, и густой суп в плошке. Быков первым делом жадно выпил два стакана воды, потом откусил кусок лепешки, обмакнул ее в блюде с тахинной приправой и занялся обжигаящим супом.

Настроение улучшалось с каждой съеденной ложкой, а когда дело дошло до кебаба, Быков уже и думать забыл о привередливом миллионере. Разве из-за этого балбеса жизнь перестала быть прекрасной и удивительной? Нет, конечно.

Когда Быков, угостившись кофе (таким густым, что в нем могли бы плавать, не погружаясь, египетские монетки), расплачивался с официантом, в окрестных минаретах зазвучала дневная молитва. Так было вчера, позавчера и тысячу лет назад. И так будет, возможно, еще не одно столетие.

После небольшой сиесты в гостиничном номере, охлажденном до восемнадцати градусов, Быков вернулся в каирское пекло и отправился с фотоаппаратом в Хан эль-Халили,

грандиозный крытый базар, основанный султаном Ашрафом Халилем то ли семьсот, то ли восемьсот лет назад. Пересекая площадь, Быков бегло сверился с Интернетом и выяснил, что Хан эль-Халили представляет собой сплошную цепь магазинов, которая тянется на сотни метров. На этот базар легко войти, воспользовавшись одним из шести входов, а заблудиться еще легче. Непросвещенному, блуждающему в глубине бесконечного лабиринта, выбраться оттуда без проводника почти невозможно. Быков, совершивший не один поход по амазонским джунглям и прошедший Долину Смерти от начала до конца, решил, что может положиться на свою интуицию.

Слегка ошалевший от гама и обилия товаров, пестрящих перед глазами, он долго бродил по здешним галереям, останавливаясь лишь для того, чтобы выбрать ракурс для очередного снимка. Всякий раз, когда он делал это, его зазывали то померять рубашу, то посмотреть сувениры, то купить золотое украшение. Отказы воспринимались как предложение поторговаться. Египтяне это дело обожали. Они торговались со вкусом и мастерством. Те, кого им удалось остановить или заманить в свою лавку, уже не имели шансов выбраться оттуда без покупки. Сознывая это, Быков ходил с каменным лицом и отвечал на любые заманчивые предложения холодной вежливой улыбкой. Торгаши чувствовали его настроение и редко цеплялись к нему. В результате он ничего не купил, зато сделал отличные фотографии чеканщиков и резчиков по кости, которые занимались своим ремеслом прямо на месте, не отходя от прилавка.

Время пролетело незаметно. Когда Быков наконец сумел выбраться из путаных коридоров базара, на Каир уже опустилась ночь. Ноги гудели, в ушах звенело, желудок выводил голодные рулады. Быков увидел вывеску кафе «Эль-

Фишави», учуял долетающие оттуда запахи и вошел. Ему показалось, что он очутился в небольшом, но богато украшенном храме. Впечатленный пышной обстановкой, он присел за один из круглых столиков. Так началось его очередное приключение, хотя он пока не подозревал об этом.

3

Заказ Быков сделал простой, потому что в последнее время взял за правило не переедать на ночь. Во время своих путешествий он, как правило, сбрасывал вес, но, возвращаясь к обыденной жизни, начинал быстро набирать килограммы. Эти «качели» ему изрядно надоели. Пару лет назад он всерьез взялся за свой рацион, отказывая себе в излишествах. Нет, он не отказался от сладкого и мучного и не заменил мясные блюда рыбой или овощами. Но порции, съедаемые им, значительно уменьшились в объеме, а ночные перекусы были исключены вовсе. Результат не замедлил сказаться, и он, этот результат, нравился Быкову.

Похоже, не только ему одному. Потому что слабый пол стал все чаще засматриваться на него.

Неспешно поглощая ужин, Быков обратил внимание на взгляды, которые бросали на него женщины, сидевшие за столом наискосок от прохода. То были две привлекательные иностранки, одна блондинка, другая брюнетка. Быков отметил про себя, что незнакомка с нещадно высветленными волосами смотрела на него чаще, чем ее подруга. Другой на его месте давно бы предпринял встречные шаги, причем в буквальном смысле. Но Быков не умел навязываться незнакомым женщинам и вообще считал это дурным тоном. Поэтому он избегал смотреть в сторону блондинки и сосредоточенно листал электронные странички в своем мобильнике.